

со сверстниками, «нянечные дети» ограничивают свой спектр стратегий взаимодействия со сверстниками («уход» или «противостояние») и предпочитают общению с ними контакты с взрослыми (например, с воспитателями в детском саду). Комбинированная причина данного следствия лежит во внутриличностном конфликте матери, развивающемся в виде противоречия в представлениях о няне и ее функциях, в аналогичном конфликте няни, а также их отношении к ребенку.

Резюмируя, следует констатировать тот факт, что ребенок, который является субъектом воспитания, в восприятии мамы и няни рассматривается как объект. Необходимо отметить, что проанализированная ситуация формирования и развития «нянечного ребенка» на следующем этапе социализации

изменяет характер его взаимоотношений не только со сверстниками, но и с мамой.

Литература

Дробышева Т. В., Романовская М. А. Взаимодействие со сверстниками «нянечных детей» как показатель социально-психологической незрелости формирующейся личности // Психология образования: Детство как стратегический ресурс развития общества: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 12–15 декабря. М., 2011.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М., 1984.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ КАК ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

А. Ю. Дроздов (Чернигов)

Поскольку восприятие многих политических явлений часто связано с их «территориальной привязкой», можно утверждать о существовании феномена геополитического сознания (ГПС). Мы определяем его как форму отражения (ментальной репрезентации) событий и явлений «политического мира» сквозь призму «мира географического» путем отождествления определенного географического пространства с проводимой там политикой. Своеобразная «интерференция» политических и географических категорий в индивидуальном и общественном сознании, составляющая сущность ГПС, позволяет рассматривать его как *системный политико-психологический феномен*.

В зарубежной и отечественной науке сложились разные подходы относительно конкретных форм проявления ГПС. Речь идет о «политико-географических образах», «геополитических образах» (Д. Замятин, В. Колосов), «геополитических взглядах» (Г. О'Туатейл, Г. Диджкин), «геополитических кодах» (Дж. Гэддис), «иконографии пространства» (Ж. Готтман), «образах мира» (А. Леонтьев, С. Смирнов, В. Петухов), «картинах мира» (Р. Редфилд, С. Лурье), «моделях мира» (С. Дружилов, М. Смутьсон) и т. д. На наш взгляд, при анализе ГПС перспективной является концепция «ментальных/когнитивных карт», разработанная американскими исследователями (Э. Толмен, Р. Даунс, Д. Сти). «Когнитивные карты» (субъективные образы/представления определенного пространства) выступают результатом «ментального картографирования», т. е. комплекса когнитивных процессов приобретения, кодировки, сохра-

нения, воспроизведения и использования информации об окружающем пространстве.

Применение термина «геополитическая ментальная карта» (ГПМК) при изучении геополитического сознания представляется нам целесообразным по двум причинам. Во-первых, речь идет о «привязке» политических представлений и оценок к определенному пространству, которое всегда отражено в сознании индивида в виде наглядно-схематических образов. Во-вторых, благодаря изучению географии в школе, географическое сознание индивида (картографическое по своей сути) приобретает систематизированность раньше, чем политическое. Именно поэтому пространственные представления можно считать своеобразным «каркасом» ГПМК, а социально-политические образы, знания и оценки – их своеобразным «наполнителем». Считается, что любая «ментальная карта» содержит информацию двух типов: локализационную (знания географического характера – «*знание-где*») и атрибутивную (качественные характеристики объектов, расположенных в пространстве – «*знание-что*»). Поэтому содержание ГПМК носит смешанный, образно-схематический характер, включая в себя географические, политические, экономические, культурные образы, представления, идеи, знания, эмоции и т. д.

По мнению ряда исследователей, основу ментальных карт составляют стереотипные мысленные структуры («схемы»), т. е. пространственная информация представлена в сознании не напрямую, а через опосредующие конструкты типа «центр», «периферия», «граница» и т. д. (что особенно важно

при восприятии геополитических явлений). Вместе с тем ГПМК отображают не столько географическое, сколько социальное пространство, что объясняет наличие ряда специфических конструктов. Так, данные исследований В. Петренко с соавторами (Петренко и др., 2000) показывают, что в основе восприятия россиянами разных стран мира лежат 4 основных фактора: оценка уровня демократичности и экономического развития страны, оценка ее военной мощи, дружелюбия к России, уровня религиозности и духовности.

Поскольку ГПС может проявляться на разных уровнях (индивидуальном, групповом, общественном), можно выделить несколько соответствующих уровней (видов) ГПМК. Если на индивидуальном уровне такие «карты» выступают в виде специфических ментальных репрезентаций («схем-фреймов»), то на групповом и общественном уровне они приобретают характер стереотипизированных социальных представлений. Кроме того, ГПМК могут носить локальный («карта» страны или ее части), региональный или глобальный («модель мира») характер. Результаты наших исследований показывают, что существующие у жителей Украины ГПМК мира носят «государственно-ориентированный» характер, т. е. их основу составляют национальные государства (чаще всего ими выступают США, Россия, Германия, Украина, Великобритания, Китай, Франция, Япония и Канада).

Так как исследователи ведут речь о разных типах образа (картины) мира, логично предположить и существование различных типов ГПМК. Мы полагаем, что критерием выделения социально-психологических типов ГПМК могут быть идентификационные («мы–они», «наши–не наши») и статусно-ролевые («ведущие–ведомые», «друзья–враги») характеристики геополитических акторов. На наш взгляд, можно выделить 6 основных типов ГПМК (которые, в принципе, можно считать и типами ГПС).

Биполярный тип ГПМК

Он характеризуется восприятием политического мира как арены борьбы двух лагерей – «Мы» («Нас») и «Они» («Их»), а географического мира соответственно – как «наших» и «не наших» территорий. Классическим примером может быть модель мира, существовавшая в ГПС многих поколений советских граждан и предусматривающая наличие непримиримо конфликтующих «соцлагеря» (во главе с СССР) и «империалистического Запада» (во главе с США). При этом все остальные страны классифицировались по мере их близости к одному из полюсов – те, которые выбрали «прогрессивный социалистический путь развития», или «страны-сателлиты США». Нужно подчеркнуть, что данный тип ГПМК со-

хранился и после распада СССР и просоветского блока, но приобрел несколько иные формы. Так, среди жителей западных стран распространены представления о противостоянии «благополучного цивилизованного Запада (Севера)» и «бедного нецивилизованного Востока (Юга)». Другой вариант этой ГПМК предусматривает, что всему «цивилизованному миру» угрожает «международный терроризм». Так или иначе, во всех этих случаях мы имеем дело с простой по своей сути схемой отождествления «Нас» и «Их» соответственно с «добром» и «злом».

ГПМК типа «Осажденная крепость»

Израильский ученый Д. Бар-Тал определяет данный тип мировоззрения как состояние, базирующееся на убеждении членов группы в том, что весь остальной мир имеет относительно них негативные интенции (намерения) (Bar-Tal, 1992). Симптомы «Осажденной крепости» несколько напоминают ранее описанный биполярный тип, но с тем отличием, что тут не предусматривается эквивалентность «Мы» и «Они»: последних всегда больше, а «Мы» в этом мире оставлены один на один с внешними угрозами (отсутствие союзников). Такая ГПМК была типичной для большевиков времен Гражданской войны и первых лет существования СССР («*Весь мир против нас*»). В современных условиях эта модель мира распространена среди граждан Израиля – страны, находящейся в окружении конфронтирующих с ней арабских государств.

Монополярный тип ГПМК

Он предполагает, что одна (как правило, собственная) страна считается центром мира (в политическом, экономическом, культурном и других планах), т. е. своеобразным «пупом Земли». Фактически, в основе данного мировосприятия лежит схема «центр – периферия», которую исследователи относят к имперской мировоззренческой традиции. Действительно, такая картина мира была присуща жителям ряда империй, в частности Древнеримской, Византийской, Китайской (последняя не случайно определялась как «Поднебесная»), и обуславливала восприятие других частей мира как менее развитых, «варварских территорий». Основу такого мировосприятия в прошлом составлял выраженный этноцентризм. Следует отметить, что данная модель мира не только сохранилась, но и получила распространение (с определенными модификациями) в современном западном общественном сознании: центром мира тут теперь выступают США/Евросоюз («Оплот цивилизации и демократии»), а «периферией» – страны «третьего мира» и СНГ, воспринимаемые как «источники неста-

бельности, коррупции, преступности, авторитаризма». Соответственно, уровень цивилизованности страны считается пропорциональным расстоянию от «центра» (ранее – географическому, сейчас – культурному и политическому). Такой тип ГПМК достаточно распространен среди политической элиты и обычных граждан США, уверенных, что их страна является естественным мировым лидером. Следует также отметить, что с конца XX в. получил распространение специфический вариант монополярной ГПМК, предусматривающий признание одного мирового политического полюса (США) гражданами других стран и регионов (Европы, Азии и т. д.). Другим своеобразным вариантом монополярной модели мира можно считать колониальный тип, в основе которого лежит отождествление конструкторов «Мы–Они» и «Управляющие–Управляемые» (фактически, его можно определить как «колониальный» или «имперско-колониальный»). Если в прошлых столетиях он носил ярко выраженный характер у жителей метрополий и колоний, то на современном этапе он сохранился в несколько завуалированном виде. Примером можно считать мировоззренческие установки многих представителей политико-экономических элит Запада, воспринимающих другие страны мира, прежде всего, как источник дешевых природных ресурсов и рабочей силы для обеспечения «золотого миллиарда».

ГПМК типа «фантомный синдром»

Своим названием он обязан известному в клинической психологии феномену, при котором пациент ощущает боль (дискомфорт) в ампутированных (т. е. реально не существующих) конечностях. Данная ситуация, на наш взгляд, порой имеет место и на политико-психологическом уровне, когда среди части элиты и населения одной страны распространяются ностальгические настроения по «утраченным территориям», перешедшим в состав других стран. Примерами «фантомного синдрома» выступают восприятие поляками ряда западноукраинских земель, сербами – Косова, японцами – части Курильских островов и т. д. (в силу историко-политических перипетий последних веков этот перечень можно продолжать долго). Иногда этот синдром проявляется в комплексе с имперско-колониальным сознанием – в случае переживания жителями метрополий утраты «своих» колоний. Примером может служить острая эмоциональная реакция французов на стремление Алжира получить независимость (что вылилось позже в войну), или англичан, воспринимавших развал Британской империи как утраченный «золотой век». Можно заметить, что сходные установки имели (и имеют) место среди части жителей постсоветских республик относительно бывшего СССР.

Полюлярный (полицентрический) тип ГПМК

Он характеризуется осознанием сложной многоцентрической структуры геополитической реальности. Это проявляется не только в признании существования стран и регионов с разной политической, экономической и культурной спецификой, но и в толерантном отношении к самому факту одновременного существования «разных миров». Соответственно, этот тип ГПМК предусматривает более-менее дифференцированные представления и оценки «других», а сам мир тут предстает в виде мозаики, составленной из «больших» и «малых» разноцветных фрагментов. Данные наших исследований, проведенных на черниговских студентах, позволяют определить их ГПМК как близкую к полюлярной: основными военно-политическими полюсами мира считаются США и Россия. Кроме них, в структуру геополитического образа мира входят блоки относительно влиятельных и экономически развитых стран Запада (Германия, Франция, Италия, Великобритания) и Востока (Китай, Япония), менее развитых и неоднозначно оцениваемых восточноевропейских стран (Украина, Белоруссия), недемократических и опасных для проживания стран Востока (Ирак, Иран, Афганистан) и «бедная» Африка.

ГПМК типа «мир без границ»

Этот тип ГПМК сформировался в конце XX в. как следствие процессов глобализации. Его основу составляют постмодернистские тезисы о том, что современное глобальное геополитическое пространство утрачивает четкую определенность (границ, иерархической структуры и т. д.), а вместо него формируется многосторонняя, неупорядоченная, децентрическая, хаотичная модель мира. Постепенное «стирание» административно-политических границ приводит к превращению мира в одно «большое село». Некоторые исследователи определяют данный тип сознания как «глобальный» или «планетарный». На наш взгляд, этот тип ГПМК присущ, прежде всего, интеллектуалам и некоторым представителям политико-экономических элит Запада, в то самое время как среди обычных граждан он распространен меньше. Подтверждением этого служат результаты ряда мониторингов, которые указывают на наличие в сознании европейцев «ментальных границ» между своим регионом и другими. В частности, согласно данным исследовательского проекта «EuroBroadMap» (стартовал в 2008 г. под патронатом Еврокомиссии с целью изучения представлений о Европе среди жителей европейских и не европейских стран), наиболее выраженной в сознании опрошенных была «южная граница», отделяющая Южную Европу от Северной

Африки (т.е. «богатый Север» от «бедного Юга»). Второй по значимости оказалась «Восточная граница», проходящая по восточным рубежам стран Балтии, Белоруссии и Украины (EuroBroadMap, 2012).

Литература

Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердников К. А. Психосемантический анализ геополитических

представлений России // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 49–69.

Bar-Tal D., Antebi D. Beliefs About Negative Intentions of the World: A Study of the Israeli Siege Mentality // Political Psychology. 1992. V. 13. № 4. P. 633–645.

EuroBroadMap: Visions of Europe in the World. Cross Country Synthesis on Survey. 2012. V. 5. URL: http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/65/45/30/PDF/EWP_wp2_final_vol5.pdf (дата обращения: 13.03.2012).

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВЛАСТИ

М. А. Дроздова (Чернигов)

Постановка проблемы

Отношение к власти и ее носителям выступает одним из самых важных индикаторов результативности последних. Известно, что У. Томас и Ф. Знанецкий из всех составляющих социальной установки главную роль в ее регулятивной функции отводили именно эмоциональному компоненту. Д. Истон и Дж. Деннис акцентировали внимание на роли эмоций при восприятии политических субъектов. В частности, в своей концепции они отмечали, что политическую поддержку можно изучить в том числе с помощью эмоциональных индикаторов (доверия и симпатии). При этом предметом ряда исследований (Шестопал, 2000, 2007; Левада, 1998; Дмитриев, 2008) было изучение эмоциональных оценок представителей, прежде всего, политической (государственной) власти.

Целью данного исследования стало выявление специфики отношения молодежи к представителям власти, а его предметом – эмоциональные компоненты аттитюдов украинских студентов к представителям власти разных типов.

Выборку составили 100 студентов (68 девушек и 32 юноши) Черниговского педагогического университета имени Т. Г. Шевченко, обучающихся по специальностям «Психология» и «Социальная педагогика».

Основным методом исследования выступило анкетирование. Респондентам предлагался список из 15 эмоций широкого спектра – от негативных до позитивных: симпатия, антипатия, любовь, ненависть, сочувствие, доверие, интерес, удивление, печаль, отвращение, страх, стыд, гордость, зависть, увлечение. Также был предусмотрен вариант: «не вызывает никаких эмоций». Студенты выбирали по 1–2 эмоции, которые они испытывают к каждой властной фигуре. Всего нужно было оценить 14 фигур: «преподаватели», «Президент страны», «лидеры политических партий»,

«главы местного самоуправления», «чиновники (госслужащие)», «судьи», «депутаты», «милиционеры», «олигархи», «священники», «криминальные авторитеты», «журналисты», «отец» и «мать».

Результаты исследования

Согласно результатам общей выборки, у половины опрошенных преподаватели вызывают интерес. На наш взгляд, это объясняется тем, что, с одной стороны, студенты постоянно контактируют с педагогами, с другой – они мало знают о личной жизни своих «наставников», их увлечениях и т. д. Треть молодежи симпатизирует педагогам, четвертая часть им доверяет, а ряд опрошенных (14%) восхищаются педагогическими работниками. Данные факты, по нашему мнению, закономерны, так как педагоги дают студентам «путевку в жизнь», учат полезному, служат образцом поведения. Хотя, учитывая вышесказанное, подобных эмоций, конечно, должно быть больше. Наверное, знания и поучения ныне нужны не всем будущим специалистам, а образцы поведения у них совсем другие. Интересно, что 13% сочувствуют своим преподавателям.

К Президенту страны опрошенные относятся в целом негативно: более трети респондентов – с антипатией; еще 30% его стыдятся; а 26% к нему абсолютно безразличны. Ряд студентов испытывают по отношению к Президенту печаль и отвращение. Такие результаты, на наш взгляд, объясняются тяжелой социально-политической и экономической ситуацией в Украине и отсутствием у населения веры в эффективную деятельность верховной власти.

Близкие результаты были получены и по отношению к лидерам политических партий: они либо не вызывают никаких чувств (34%), либо вызывают антипатию (32%). Часть опрошенных демонстрирует по отношению к ним стыд и от-